

УДК 303.446.4(470)

А.В. Беляков, Г.А. Енгальчева**«Темниковское княжество» по источникам XVI–XVII вв.**

На основании широкого круга источников, в том числе и впервые введенных в научный оборот, авторы стремятся показать специфику управления регионом Восточная Мещера. Делается вывод о том, что фиксирующиеся особенности обусловлены историей вхождения края в состав Московского государства. Наряду с этим делаются наблюдения о том, как менялись преобладающие формы хозяйствования в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: Темников, Восточная Мещера, Русское государство XV–XVI вв., беляк, князья Еникеевы.

Ранняя история региона Восточной Мещеры, под которой мы понимаем территорию Темниковского и Кадомского уездов, на настоящий момент практически неисследована. Одной из основных причин этого – плохая сохранность источников. В нашем распоряжении имеется незначительное число документов XVI в. (по преимуществу последней четверти века). Только начиная со второй трети XVII в. источники становятся по-настоящему массовыми. Это ставит перед исследователями задачу по возможности более полно проанализировать весь комплекс документов, дающих возможность заглянуть в историю региона в XV–XVI вв.

Здесь следует помнить тот факт, что на протяжении XVII в. из первоначальной территории Темниковского уезда, имевшего, по-видимому, более чем условные границы на востоке для удобства управления регионом, начинают выделяться иные уезды. Так, в частности, появились Инсарский (РГАДА. Ф. 1167. Д. 14), Саранский, Керенский и, возможно, Нижнеломовский уезды. Это обуславливалось несколькими причинами, главными из которых являлись: обширность территории при низком развитии коммуникации и постоянный рост населения, приводивший к постепенной колонизации новых земель (или же более плотного его заселения) к востоку от основных территорий уезда. Можно предположить, что Кадомский уезд в свое время также выделился из Темниковского.

Другие исследователи считают, что для XVI–XVII вв. (возможно, и в более ранний период) понятия Мещеры и Шацкого уезда были синонимами. При этом Шацкий уезд делился на Касимовский, Елатомский, собственно Шацкий уезды, а также города Кадом и Темников. Таким образом, Кадомский и Темниковский уезды не были до конца самостоятельными, по крайней мере, в XVI в. (Дубинская, 1987). В свою очередь, Шацк и Шацкий уезд появляются только в середине XVI в. Можно предположить следующее. Как административные центры Мещеры в XVI в. упоминаются Елатьма и некая Мещера. Под последней исследователи ошибочно видят Городец Мещерский (Касимов) (Черменский, 1964, с. 4–5). В духовной грамоте Ивана IV в Мещере упоминаются следующие города: Мещера (Елатьма?), Кадом, Темников, Шацк и Кошков. Последний, судя по всему, – неправильно прочитанный Касимов. В примечании к публикации документа отмечено: «Список второй половины XVIII в., писан дурной скорописью, весьма неисправно» (Дополнения, 1846, с. 382, 389). «Шк» должно быть «сим». Неправильное прочтение могло быть позаимствовано из Духовной грамоты Ивана III (Собрание, 1813, с. 389–400), хотя в Мещере известно такое географическое название. В 1655 г. царь Алексей Михайлович разрешил продать в вотчину стольнику Афанасию Нестерову несколько селений, в том числе и пустошь, «что была деревня Малая Пургасово, Кошково тож» (Известия, 1889, с. 104). Нельзя не отметить и тот факт, что летописи и разрядные книги не упоминают такого города. Скорее всего, Елатьма и Мещера – это один и тот же город. В пользу этого говорит и то, что наместники упоминаются в обоих городах (Пашкова, 2000, с. 139, 144). Но наличие двух наместников на почти не освоенной территории маловероятно. В конце XVI – XVII вв. значение Елатьмы постоянно снижалось. Во второй половине XVII в. здесь не было крепости, постоянных военных подразделений и, возможно, воевод (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1648 г. Д. 144). Административный центр переместился в Шацк, как один из центров засечной черты. Когда это произошло? Разрядные книги отмечают, что между 1566/67 и 1570 гг. в Шацке появляется наместник, и одновременно он исчезает в Мещере (Разрядная, 1966, с. 231; Разрядная, 1975, с. 172; Разрядная, 1974, с. 62; Разрядная, л. 458). Это и следует рассматривать как главный признак смены

административного центра. Получается, что до конца 1560-х гг. Темниковский и Кадомский уезды, как в прочем и Касимовский в той или иной форме подчинялись елатомскому наместнику.

В настоящее время можно выделить несколько взглядов исследователей на вхождение рассматриваемых территорий в состав Московского государства. По мнению Д.М. Исхакова, в регионе Мещеры существовали отдельные княжества еще до прихода в Касимов царевича Касима. Во главе их находились так называемые князья мещерские (мордовские). Автор очень осторожно говорит о том, что территории Темниковского уезда могли быть переданы касимовским царям и царевичам (Исхаков, 1998, с. 175–182). Б.Р. Рахимзянов однозначно относит Темников и Кадом к городам «Касимовского царства» (Рахимзянов, 2009, с. 66). М.М. Акчурин пытается увидеть в каждом беляке, фиксируемом в регионе Восточной Мещеры, самостоятельное независимое государственное образование ни каким образом не связанное с «Касимовским царством» (Акчурин, Ишеев, 2008).

По нашему мнению, проникновение Московского княжества в Мещеру началось в первой четверти XIV в. По мнению В.А. Кучкина, это произошло около 1320 г., когда московский князь Юрий Данилович воевал с Рязанью. Тогда же, до 1327 г., произошла покупка мещерских земель у местного князя Александра Уковича (Кучкин, 2003, с. 259–260). У некоторых исследователей Александр Укович превращается в Александра Юрьевича Ширинского (Мещерского), а дата продажи переносится на 1381 г. (Баязитов, Макарихин, 1996, с. 72, 85). Скорее всего, этому способствовало довольно неуверенное предположение Н.М. Карамзина о том, что князья Мещерские произошли именно от Александра Уковича (Карамзин, 1989, прим.: 86, 275). В последние годы данная идея получила поддержку Д.М. Исхакова (Исхаков, 1998). Если допустить, что он являлся князем Мещерским, то именно с этого времени представители данного рода становятся служебными князьями. Становится понятным участие князей Мещерских в Куликовской битве. Быть может, уже тогда данный род сильно разросся, и упоминаемый князь контролировал далеко не всю территорию Мещеры. Скорее всего, здесь следует видеть западные территории до Оки. Что касается заокских земель, то данных на этот счет значительно меньше. Можно предположить, что частично заокская Мещера попала в сферу влияния Москвы тогда же. Дальнейшее продвижение на восток произошло в 1381 г., когда помирившиеся Дмитрий Донской и Олег Иванович Рязанский предприняли совместный поход на «ордынские земли». Возможно, Кадом и Темников именно тогда попали в сферу влияния Москвы. В.А. Кучкин предполагает, что тогда Дмитрий Донской воевал Наравчат (Наручадь). Это был самый крупный ордынский административный центр близ реки Пьяны (Кучкин, 2003, с. 260–262). Можно предположить, что Олегу Рязанскому тогда достались земли будущего Шацкого уезда. Речь идет о правом берегу р. Цна. Левый берег принадлежал Рязанскому княжеству издревле (Беляков, 2011, с. 192–193).

Попытаемся выявить наиболее ранние сведения о принадлежности данных территорий к Москве. В указной грамоте в Темников от имени Ивана IV по поводу спора князя Тениша Кугушева с братьями и енгватовской мордвой о владении бортными ухажеями по реке Мокше упоминается писцовая книга письма Ивана Микулина сына Ярого (ГАУО. Ф. 732. Оп. 3. Д. 1). Речь идет о представителе смоленских Рюриковичей, перешедших на московскую службу Заболоцком Иване Микулине Ярого сыне. Он известен нам по документам с 1495 г., когда во время похода Ивана III в Новгород был одним из постельников. В 1500 г. присутствовал на свадьбе князя В.Д. Холмского. Осенью 1502 г. посылался с «речью» Ивана III в Стародуб. В 1511 г. описывал земли на Белоозере, в 1514–1515 гг. посол в Данию, в 1522 г. посылался с Коломны на Рязань (Зимин, 1988, с. 224; Разрядная, 1966, с. 26, 33, 69). Таким образом, первое писцовое описание темниковских земель следует отнести к первым годам правления Василия III. Получается, что в первом десятилетии XVI в. данная территория имела вполне устоявшуюся административную структуру. Более ранние свидетельства не дают нам таких однозначных данных.

Известно, что в мае 1491 г. волостелем у кирдановской мордвы вслед за Митькой Паном отмечен Ознобишин Никита Васильев сын (Пашкова, 2000, с. 177). Однако здесь следует помнить о том, что кирдановская мордва находилась на противоположной, левой, Муромской, стороне р. Оки от рассматриваемого региона и мы не можем утверждать, что процессы, протекавшие на данных территориях, были идентичными.

Имеется еще один источник. Это челобитная мирзы Тляша Кутыева, в которой упоминаются купленные бортные ухажеи начиная с 1443 г. по начало XVII в. (Акчурин, Абдурахманов, 2011). В данном случае мы также не имеем права утверждать что, начиная с первой датированной покупки бортного ухажея данные территории принадлежали Москве. Здесь могли быть отмечены и покупки, совершенные до вхождения рассматриваемой территории в состав Русского государства. В слу-

чае лояльного отношения к новой власти Москва сохраняла прежние владельческие права (Мухомедьяров, 1967). Данное предположение вполне логично, в особенности, если вспомнить события 40-х гг. XV в. Но данный документ позволяет нам частично установить границу между темниковскими (русскими) и казанскими землями на 1546/47 г., которая проходила по р. Инсар.

Мы можем привести еще один косвенный довод в пользу того, что русское владычество окончательно утвердилось в регионе только во второй половине XV в. Русские документы, как правило, фиксируют во владельческих документах как родовые прозвища имена только известных им лиц. Имена более древних предков, живших до выезда в русские земли или же до захвата территорий, на которых они проживали, не интересуют московские власти (Беляков, 2013). Если мы обратимся к уже упоминаемой нами грамоте 1546 г., то в ней говорится только о трех поколениях рода Кугушевых – Кугуше его сыне Тенише, детях и племяннике Тениша¹. При этом отец Кугуша не отмечен ни разу (ГАУО. Ф. 732. Оп. 3. Д. 1). Таким образом, род начал служить московским князьям только с Кугуша, что более вероятно, или даже начиная с Тениша. Это могло произойти в 1580-х г., когда укрепившаяся Москва резко усилила свое влияние в Казани.

В литературе уже отмечали, что в рассматриваемом нами регионе пожалование того или иного мирзы князем (княжением) обозначало передачу в его ведение (ведение его рода) конкретного мордовского беляка. Это было своеобразное наследственное волостельство, подразумевавшее суд над мордвой и сбор с нее в свою пользу определенных кормов (Беляков, 190–193). Достаточно рано суд начинает передаваться русской администрации (Древняя, 1790, с. 14–15). За князьями, в лучшем случае, могли оставить только судебные пошлыны². При этом, как показывают последние исследования, большинство подобных княжеских родов находились в родственных отношениях. Но старшинство все же, безусловно, признавалось за родом Кугушевых – Тенишевых – Еникеевых. Несколько позднее за старшей ветвью рода закрепилось родовое прозвище Еникеевы. В дальнейшем мы будем говорить о представителях именно этого рода.

Род князей Еникеевых оставил заметный след в истории края и пользовался большим авторитетом. Но для того, чтобы показать степень его влияния, мы должны выявить все свидетельства его экстраординарного положения в регионе.

Считается, что князья Еникеевы относятся к старшей ветви князя Бихана, закрепившегося в регионе в конце XIV в. Скорее всего князь вынужден был переселиться со своим отрядом в мордовские леса в результате «замятни» в Золотой Орде. Возможно, данное событие было вызвано массовым переселением представителей отдельных элей с Востока на Запад. В свою очередь, вытесненные «западные» эли или же их части вынуждены были искать для себя новое место жительства.

О военном статусе Еникеевых в регионе нам известно из книги полоцкого похода 1563 г.: «Темниковские люди Еникей князь с товарищи и с их людьми» (Книга, 2004, с. 40). Таким образом, мы видим очень интересную ситуацию. Князь Еникей признается безусловным лидером темниковских татар. Но при этом другие мирзы содержат свои собственные военные отряды, на прямую не подчиненные Еникею. Но отсутствие подобной формулы по отношению к татарам иных уездов вовсе не обозначает, что там не прослеживается подобная их организация. По крайней мере, у кадомских татар их боевые холопы отмечены еще в начале XVII в. По царскому указу они были «респущены на волю» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. №1084. Столбец 1. Л. 4, 76). Можно предположить, что появление упоминаемого указа было обусловлено заботой о служилых татарах. Постоянное дробление поместий между всеми наследниками привело к тому, что подавляющее число мирз с трудом могли содержать на свой счет боевых холопов. Мы вправе сделать предположение о том, что данный указ распространялся на все регионы России. В это же время (около 1617 г.) из под управления романовских мирз вывели их татар. Правда, через несколько лет после многочисленных челобитий и разбирательств прежнюю практику вернули. Скорее всего, здесь не следует искать каких-либо уникальных региональных особенностей военной организации поместной конницы. В той или иной форме это можно наблюдать и у служилых людей в православных уездах. В особенности когда речь идет о представителях местной знати. По этому же документу мы отчасти можем судить и о возможной численности подобных отрядов (норме по выставлению боевых холопов). С 1644 чети

¹ В грамоте Янай (Ченей) Кикеев (Шекаев) назван братаничем Тениша Кугушева. Братанич по терминологии родства – племянник по брату (Генеалогическая, 2000, с. 245). Скорее всего, именно Яная Кикеева следует рассматривать как родоначальника мирз Кугушевых.

² Как пример можно привести сохранившуюся переписку касимовского царя Арслана б. Али, где он борется за сохранение за ним татарских судебных пошлын в начале XVII в. (Беляков, 2001).

с 13 крестьянами и 9 бобылями можно было выставить служилого человека на коне в саадаке, и еще одного человека на коне с саадаком (Там же, л. 4). Однако с поместья в 30 чети с двумя крестьянами и бобылем выставлялся один служилый человек на коне в саадаке (Там же, л. 5). Ниже мы увидим, что в регионе имелись свои особенности землепользования, и размер пашни далеко не всегда указывал на благосостояние того или иного человека. А вот особенностью глав рода Еникеевых за активное участие в событиях Смутного времени (Беляков, 2012; Акчурина, Ишеев, 2010) было то, что они «по государеву указу ходит на службу по особным грамотам со своим двором, а не з городом вместе, и бывает у воевод в полку» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 184. Столбец 5. Л. 139).

Но нам все же следует вернуться в XVI в. Мы можем утверждать, что на протяжении всего XVI в. и, по крайней мере, в начале XVII в. главы рода являлись своеобразными наследственными и бессменными «вторыми» воеводами в городе и уезде. О первом или втором воеводском месте можно спорить. Однако очевидно, что человек, назначаемый из Москвы, осуществлял общий контроль, ему же подчинялось местное православное население. Татар и в той или иной степени мордву, безусловно, ведали Еникеевы. У последних было одно важное преимущество над присылаемыми воеводами: они постоянно проживали в регионе и поэтому лучше разбирались во всех местных вопросах.

В апреле 1552 г. в городе отмечены Василий Федоров сын Дмитриев и князь Еникей Тенишев (Посольская, 2006, л. 97. с. 82; л. 109. с. 89).

В 1557/58 г. в Темникове были князь Еникей Тенишев и Петр Протасьев (Разрядная, 1966, л. 183 об. с. 166).

В 1587 г. здесь находились князь Кулунчак Еникеев и Иван Товарищев (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 5. Л. 7). Однако 18 мая в городе князь Енмамет Еникеев (РГАДА. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 2. Л. 13).

В 1612 г. март 28. – сентября 26 в городе отмечены Иван Матвеевич Бутурлин и князь Брюшей Кобякович Еникеев (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 562. Л. 1; Беляков, 2012). При этом однозначно отмечается тот факт, что князь Брюшей «руководил» всем нерусским населением уезда.

Здесь следует отметить тот факт, что ряд упоминаний князей Еникеевых устойчиво связано с посольскими делами. При этом грамоты из Москвы писались только на имя татарских князей (Посольская, 2006, л. 245 об. с. 154; л. 373. с. 214. и др.). Это позволяет предположить, что русские «воеводы» какое-то время официально имели статус приставов при князьях из рассматриваемого нами рода. Подобную картину можно наблюдать в Касимове XVI в. при касимовских царях и царевичах (Беляков, 2011, с. 165–258).

Важным свидетельством особого положения региона также является то, что, по крайней мере, до 1614 г. он находился в ведении Посольского приказа. На это указывает тот факт, что дозорная книга 1613/14 г. была составлена по наказу из Посольского приказа (Описание, 258, с. 236). В это время в приказе также ведался Романов, где проживали ногайские мирзы со своим военным отрядом. Непосредственно подчинялись внешнеполитическому ведомству и вновь образуемые города, являвшиеся крайними точками на российской территории при движении посольств в мусульманские державы. Так, в ведении приказа в конце XVI в. находился г. Воронеж (Беляков, 2013а). А вот Касимов до 1620 г. находился в ведении приказа Казанского дворца, и только по челобитью касимовского царя Аслана б. Али был переведен в Посольский приказ (Беляков, 2011, с. 397).

Следует также остановиться на доходах рода и особенностях наследования княжения. Из документов нам известно, что князьям Кугушу, Тенишу Кугушеву и Еникею Тенишеву «изстари» принадлежали доходы с темниковского кабака. Однако около 1553 г. они были переданы касимовскому царю, бывшему казанскому хану Шах-Али б. Шейх-Аулеару. Судя по всему, после его смерти их передали новому касимовскому царю Саин-Булату б. Бекбулату. Однако в 1570 г. по челобитью князя Еникея Тенишева кабак передали ему и его сыну Саббаку (Антонов, 2001, № 9. с. 225–226). Можно предположить, что доходы с кабака принадлежали представителям семьи или же давались им на откуп еще и в XVII в. (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1130).

Принадлежали роду и доходы с темниковской таможни. Эти доходы фиксируются вплоть до конца XVII в. (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 4, 6, 16, 111, 1143. Л. 9; Д. 1577 Л. 2; Акты, 2002, № 193, с. 161). При этом в их распределении заметна одна интересная тенденция. Первоначально они делились между всеми представителями рода. Но с определенного момента список претендентов был ограничен строго определенным кругом лиц и их наследниками (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 111). Для сбора таможенных пошлин (документы отмечают один вид пошлин, но очень важный для данного региона – пятно) на таможни имелись представители получателей денежных средств (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1.

Д. 1443. Л. 9). Данный факт указывает на то, что в Еникеевы получали всю сумму таможенных пошлин, как и Чингисиды в Касимове. В Романове ногайским мирзам полагалась только строго фиксированная сумма из городских доходов (Акты, 1997, № 307. с. 298–299; Моисеев, 2004). Принадлежало Еникеевым и полавочное с темниковского торго (Акты, 2002, №193, с. 161).

О доходах с беляка нам известно очень мало. Беляки, по одной из версий, являются местным названием русских погостов, возникших в регионе после московских походов в конце XIV в. (Шитов, 1992, с. 111). Можно предположить, что беляки – это первоначально некие родоплеменные объединения мордвы. Интересно было бы наложить границы известных беляков на карту распространения мордовских языков и диалектов, а также иных региональных особенностей (к примеру, отличия в убранстве женских костюмов). В случае их совпадения наша версия бы подтверждалась. Что касается происхождения этих княжеских фамилий, то на настоящий момент о них можно говорить только предположительно. Традиционно считается, что это татарские феодалы, которых казанские цари за службу жаловали ясаком с местной мордвы (Мордва, 1995, с. 44, 45; Гераклитов, 1927, с. 101–112; Ямушкин, 1963). В целом следует согласиться с мнением М.Г. Сафаргалиева о том, что мордовские беляки являют собой пример «уникального татаро-мордовского симбиоза» (Сафаргалиев, 1963). Можно предположить, что первоначально князьями становились местные мордовские старшины (Мансырев, л. 2). Подобного взгляда по отношению к марийской знати придерживается ряд исследователей (Л.А. Дубровина, А.Г. Бахтин, С.К. Свечников). Они считают, что отдельные «князья» и «воеводы», возможно, принимали мусульманство и приравнивались к мелким и средним татарским феодалам (Свечников). Или же это были выезжие татары, жалуемые ясаком за службу. При этом статус подобных пожалований, судя по всему, был приближен к статусу волостелей. Точнее, являлся наследственной его разновидностью. Так, жалованную несудимую грамоту Ивана IV 1539 г. кадомской мордве Поровату, Поромзу, Авкейману Малемасовым детям Узника, Пурсалунину сыну, его детям Вячкоше и Валките, Вилдясу Намасову сыну, а также его брату Видидею Налитову на их угодья и деревни и неподсудность их князю Янглычу Бедишеву, скорее всего, следует рассматривать как предоставление судебного иммунитета от суда волостеля (князя Янглыча), данное мордве (Древняя, 1790, с. 14–15; Антонов, 2008, с. 38). Дополнительную информацию нам дает жалованная грамота вдове князя Кулунчака Еникеева 1609 г. Здесь, в частности, указаны как источник доходов князя Кулунчака пошлины с разбойных дел и мордовский ясак – 11, 25 рубля (Акты, 2002, №. 193, с. 161). После смерти князя Еникея его доходы были разделены между наследниками на 5 жеребьев. Получается, что ясак Еникея составлял 56,25 рублей. Что касается судебных пошлин, то они могли собираться в пользу рода как только с татарского и мордовского населения края, так и со всего, включая русское, населения уезда.

Говоря о поместном землевладении и вотчинных бортных ужожах, мы должны констатировать тот факт, что мы находимся в самом начале исследования этой более чем не простой темы. Перво-наперво в глаза бросается относительно незначительный размер поместного землевладения, как среди татарских мирз, так и среди казаков региона. Хотя у последних он еще меньше, и к тому же зачастую отягощен полным отсутствием бобылей и крестьян (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. №1084. Столбец 1). Второе, на что обращаешь внимание – это значительное количество вотчин бортных ужожев. При этом в руках наиболее состоятельной части служилых татар вплоть до первой половины XVII в. происходит постоянное планомерное их увеличение за счет покупок (Акчуринов, Абдурахманов, 2011; РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 5). Третье, на что следует обратить внимание – это явная диспропорция в распределении сенных покосов между верхушкой мирз и рядовыми татарами. Так, если у рядовых татар соотношение между пашней и сенными покосами лежало в пределах 1:2 – 1: 3, то в 1621 г. за мирзой Тляшем Кутыевым значилось 112 четей земли и 1800 копен сена (Акчуринов, Абдурахманов, 2011). За князем Кулунчаком Еникеевым отмечено 428 чети земли и 2510 копен сена (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1146). Князю Булаю Кудашеву принадлежало 157 четей земли 4533 копы сена (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 711)³. Известны также примеры соотношения пашни к сенным покосам как 1:40 (РГАДА. Ф. 1167. Д. 1149). Позднее копна приравнивалась к 1/10 казенной десятины сенокоса (Гераклитов, 2013. с. 33). Список подобных примеров может быть продолжен и дальше. Наконец, следует отметить тот факт, что значительная часть поместий описывается без привязки к конкретным населенным пунктам, а по урочищам. Более того, извест-

³ Справедливости ради следует отметить, что и православные помещики могли получать в регионе подобные сенные покосы. Так в 1658/59 г. Якову Вышеславцеву дали в Темниковском уезде поместье в 100 четей земли и 1200 копен сена (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 2237). Однако, возможно, это пожалование было из выморочных татарских земель.

ны случаи, когда сенные покосы и поместная пашня отмечаются непосредственно в вотчинах бортных ухажеев (РГАДА. Ф. 1175. Оп. 1. Д. 1346).

Можно предположить, что развитие землевладения в крае происходило следующим образом. Первоначально основой экономики региона являлось бортничество и, отчасти, охота. Д. Флетчер в конце XVI в. отмечал, что Восточная Мещера поставляла большое количество меда и лучший куний мех (Флетчер, 1906, с. 15). На втором месте по развитию, по крайней мере, в XV – начале XVII вв. находилось скотоводство. Оно должно было обеспечивать потребности служилых татар, как в мясе, так и в лошадях для военной конницы. Сенные покосы отмечаются по берегам рек и на лесных полянах посреди бортных ухажеев. Пашенное земледелие изначально не имело большого значения. Но постепенно оно начинает набирать обороты. При этом дальнейшее развитие зернового земледелия было возможно только за счет распашки части бортных ухажеев. Таким образом, постепенное развитие земледелия приводило к постепенному сокращению бортничества. Похожие процессы мы можем наблюдать и в других регионах, в частности, в Арзамасском уезде (Герасимов, 2013, с. 42–52). Смена преобладающей формы хозяйствования наметилась в начале XVII в. Однако окончательно утвердилась только в XVIII в. В первой четверти XVII в. фиксируются служилые татары, которые вообще не имели земли, как и их отцы, при этом стояли в списке казаков первыми как по поместному окладу, так и по денежному жалованию (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. №№1084. Столбец 1. Л. 20). Судя по всему, они получали доходы от эксплуатации бортных ухажеев.

Наличие обширных бортных ухажеев, усиленное возможностью контроля хозяйственной деятельности на данной территории иных лиц,⁴ следует рассматривать главным фактором, позволившим крещеным татарским мирзам резко увеличить размеры пашни путем расчистки леса в конце XVII – начале XVIII в. (РГАДА. Ф. 1167. Д. 4) (Хотя этот процесс отмечается уже на рубеже XVI–XVII в. (РГАДА. Ф. 1167. Д. 5)).

Благодаря тому, что после смерти отцов все их поместные владения делились поровну между всеми наследниками мужского пола, мы можем частично реконструировать размеры землевладения рода в XVI в. Князь Кулунчак Еникеев к концу своей жизни владел 428 четями поместной земли и 2510 копнами сена (РГАДА. Ф. 1167. Д. 1146). Даже если здесь присутствовали не только земли, унаследованные им от своего отца, князя Еникая Тенишева, но и вновь пожалованные ему за службу, то и тогда земельные владения Еникая, имевшего пять сыновей, по своим размерам вполне могли составлять около 2000 четей земли в одном поле. А это уже высший предел поместного оклада служилых Чингисидов (Беляков, 2011, с. 339–342).

Говоря об истории рода, следует затронуть еще одну немаловажную проблему, мимо которой до настоящего времени проходили исследователи – это правила наследования. На протяжении всего XVI в. в Восточной Мещере явно прослеживается практика наследования княжений старшим в роде. На это указывает практика передачи «прав» на тот или иной беляк от брата к брату и от дяди к племяннику (Акты, 2002, № 24, с. 21–22). Таким образом, князь одновременно являлся и беком. Однако у Еникеевых мы можем наблюдать необъяснимые на настоящий момент особенности. У Еникая Тенишева известно пятеро детей. В 1572 г. старшим являлся Саббак. Тогда доходы с темниковского кабака были отданы, как мы знаем, отцу и сыну. О других братьях грамота молчит (Антонов, 2001, №9, с. 225–226). Однако в 1576/77 г., после смерти князя Еникая, его наследство уже делится на 5 жеребьев между сыновьями – князем Кулунчаком, Енмаметом Ишеем (Ишмамем) и двумя сыновьями Саббака, Кучукаем и Аюкаем (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1577. Л. 2). В грамоте отсутствует упоминание об одном из сыновей Еникая – Кобяке. Можно предположить, что он к этому времени уже умер. Но в таком случае документ должен был упомянуть его сына Брюшея. Тем более что именно Кобяк, судя по всему, был старшим сыном Еникая. Выводы об этом мы можем сделать на основании того, что после смерти князя Кулунчака княжение передается именно Брюшею Еникееву, а не одному из детей Саббака. Но на этом странности не заканчиваются. Дело в том, что в 1587 г. князьями называются Кулунчак (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 5. Л. 7) и Енмамет (РГАДА. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 2. Л. 13). Это можно объяснить только в том случае, если мы допустим, что Енмамет был старше Кулунчака и умер в 1587 г. Однако, как мы уже видели, в 1576/77 г. князем назван Кулунчак, а не Енмамет. Дело еще больше запутывается недатированной

⁴ Владение вотчиной бортным ухажеем подразумевало пользование взрослыми деревьями пригодными для вырубания в их стволах бортей. Сам лес находился в общем пользовании. Распахиваемая пашня и сенные покосы фиксировались как поместья. Следует отметить, что усиление хозяйственной деятельности в лесах в любом случае приводило к сокращению пригодных для занятия бортничеством деревьев за счет гибели старых и неуспевающих вырасти до нужных размеров новых.

наказной памятью, в которой князьями одновременно названы Кулунчак и Еникей (скорее всего неправильное прочтение Енмаммет) (Акты, 2002, № 192, с. 160). Но дети Енмаммета не называются в источниках князь Енмамметевыми детьми. Скорее всего, разгадку следует искать в женах князя Еникея. Часто дети от разных жен с трудом находили общий язык, в особенности, когда дело касалось наследования. Известны случаи, когда это даже приводило к изменению родовых прозвищ. Так сын князя Девлеткилдея Тиняева от первого брака Бибарс является родоначальником князей Бибарсовых, а дети от Ураз-салтаны стали князьями Девлеткилдеевыми (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 717. Л. 2, 3; Д. 129. Л. 2–4; № 452. Л. 1; Д. 273. Л. 1). Пока мы можем только установить старшинство первых трех сыновей Еникея. Скорее всего, они появились на свет в следующем порядке: Кобяк, Саббак, Кулунчак. Также, судя по всему, Енмаммет был старше Ишмаммета.

Таким образом, мы видим, что в XVI в. князья Еникеевы были по своему имущественному положению близки служилым Чингисидам (Беляков, 2011) и романовским мирзам (Акты, 1997, № 307, с. 298–299; Моисеев). Однако, в отличие от них в Темникове не соблюдалось правило майората при наследовании. Это, в свою очередь, приводило к измельчанию размеров землевладения у конкретного представителя рода после очередного раздела между наследниками. Хотя известны и обратные процессы концентрации землевладения в одних руках, вызванные наследованием выморочных поместий представителей семьи (РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1165).

Нам удалось показать, что род князей (мирз) Кугушевых – Тенишевых – Еникеевых обладал особым статусом в Темниковском уезде вплоть до конца XVII в. Другие княжеско-мирзинские роды не смогли добиться подобных результатов. Данный факт позволяет предположить, что рассматриваемый нами род обладал особым статусом в рассматриваемом регионе задолго до его вхождения в состав Московского княжества. После присоединения данных территорий к Москве род сохранил свое положение. Несмотря на постепенное сворачивание его привилегий на протяжении XVI–XVII вв., мы можем наблюдать следы былого величия семьи даже в конце XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Археографический центр, 1997. Т.1.
Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2002. Т.3.
Акчурин М.М., Абдурахманов Т.А. Челобитная вдовы мурзы Тляша Кутыева // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань: «ЯЗ», 2011. Вып. II. С.176–195.
Акчурин М., Ишеев М. Татарские князья и их княжества. Н.Новгород: Медина, 2008.
Акчурин М., Ишеев М. Татары Верхнего и Среднего Поволжья – участники Смуты начала XVII века // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2010. Вып. IV. С.42–64.
Антонов А.В. Акты служилых татар 1525–1609 годов // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2001. Вып. 7. № 9. С. 225–226.
Антонов А.В. О документальных материалах, вошедших в сборники «Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII веков» // Вест. Рос. гуманитар. науч. фонда. 2008. № 3 (52).
Баязитов, Макарихин, 1996 – Баязитов Р.Ж., Макарихин В.П. Восточная Мещера в средние века. (К вопросу этногенеза татар в Нижегородском крае). Н. Новгород, 1996.
Беляков А.В. Касимов после смутного времени (по документам РГАДА) // Рязанская вивлиофика. Рязань: Александр Рутман, 2001. Вып.2. С.31–38.
Беляков А.В. Чингисиды в России XV – XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань-Mir, 2011.
Беляков А.В. Документы Темниковской и Кадомской приказных изб эпохи Смуты // Мининские чтения: 2012. Н.Новгород: Кварц, 2012. С. 233–241.
Беляков А.В. Исиной Карамышев сын Мусаитов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №6. Часть 3. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. С.82–87.
Беляков А.В. Раннее упоминание г. Воронежа в документах Посольского приказа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. 2013. № 1. С.181–183. а.
Генеалогическая информация в государственных архивах России: Справочное пособие. М., 2004.
Герасимов А.А. Мордовский «беляк» // Изв. Краевед. ин-та Южно-Волжской области при Саратов. гос. ун-те. Саратов, 1927. Т.2.
Герасимов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII–XVIII веков. Н.Новгород: НОЛС, 2013.
Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т.1.
Древняя российская вивлиофика. М., 1790. Ч. XV.
Дубинская Л.Г. Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века (по материалам Мещерского края): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1967.

- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.
- Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1889. Вып. 24.
- Исхаков М.Д. От средневековых татар к татарам нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Книга, 1989. Т. V.
- Книга полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст). СПб.: Российская национальная библиотека, 2004.
- Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003.
- Мансырев С.П. Мои воспоминания: (рукопись) ОР. РНБ. Ф.464. Оп.1. Д.233.
- Моисеев М.В. К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2004. Вып. 10. С.197–202.
- Мордва: Историко-культурные очерки. Саранск, 1995.
- Мухамедьяров Ш.Ф. Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. М.: Наука, 1967. С. 104–109.
- Описание городов европейской части России XVI–XVII вв. Указатель по материалам писцовых и переписных книг. М.: Древлехранилище, 2005.
- Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М.: Древлехранилище, 2000.
- Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966.
- Разрядная книга 1559–1605. М., 1974.
- Разрядная книга 1550–1636. М., 1975. Т. I.
- Разрядная книга 1475–1605. М., 1982. Т. II. Ч. 2.
- Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.): Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009.
- Сафаргалиев М.Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1963. Вып. 24.
- Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014.
- Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. I.
- Флетчер Д. О государстве Руском. СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1906.
- Черменский П.Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964.
- Шитов В.Н. Старокадомское поселение // Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992. С.104–125.
- Ямушкин В.П. О ясаке и мордовском беляке // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1963. Вып. 24.

А.В. Беляков, Г.А. Енгальчева

«ТЕМНИКОВ КЕНӘЗЛЕГЕ» XVI–XVII ГАСЫР ЧЫГАНАКЛАРЫ БУЕНЧА

Авторлар күпсанлы чыганаclar, шул исәптән беренче тапкыр фәнни әйләнешкә кертелә торганнары нигезендә Көнчыгыш Мещера төбәге белән идарә итүнең үзенчәлекләрен күрсәтергә омтылалар. Ачыкланган үзенчәшлекләр бу төбәкнең Мәскәү дәүләте составына керү белән аңлатыла, дигән нәтижә ясыйлар. Бер үк вакытта төбәктә өстенлек итүче хужалык итү формалары үзгәреше буенча да күзәтүләр ясала.

Ачкыч сүзләр: Темников, Көнчыгыш Мещера, Рус дәүләте, XV–XVI гасырлар, беляк, кенәз Еникеевлар.

A.V. Belyakov, G.A. Engalycheva

TEMNIKOV PRINCIPALITY IN SOURCES OF XVI–XVII CENTURIES

Based on a wide range of sources, as well as scientific novels, the authors attempt to show the East Meshchera governance specificity. The conclusion was made, that the peculiarities indicated were determined by the process of its joining the Moscow state. Along with that, there is an observation of how the prevailing management patterns changed in the given region.

Keywords: Temnikov, East Meshchera, Rus' State of XV–XVI centuries, belyak, Enykeev princes.

Сведения об авторах

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Московского государственного университета путей сообщения, Рязанский филиал (г.Рязань).
E-mail: feb@gu.ru, belafeb@gmail.com

Беляков Андрей Василий улы – тарих фәннәре кандидаты, Мәскәү дәүләт юллар университетының Рязань филиалындагы фәлсәфә, социология һәм тарих кафедрасы доценты (Рязань шәһәре).

Belyakov Andrey Vasilyevich – Cand. Sci. (History), associate professor, the department of philosophy, sociology and history of the Moscow state railway university, Ryazan branch (Ryazan).

Енгальчева Галина Адильевна – старший преподаватель кафедры «Библиотечковедения и документо-ведения» Рязанский заочный институт (филиал) Московский государственный университет культуры и искусств (г.Рязань).

Енгальчева Галина Адиль кызы – Мәскәү дәүләт мәдәният һәм сәнгать университеты каршындагы Рязань читтән торып уку институты (филиалы) «Библиотека белеме һәм документлар алып бару» кафедрасының өлкән укытучысы (Рязань шәһәре).

Engalycheva Galina Adil'evna – senior teacher, Ryazan Extramural Institute of Moscow State University of Culture and Arts (Ryazan).